

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Д. М. Исхаков

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVI—XVII вв. [критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края]

Несмотря на ряд очевидных достижений в исследовании проблем происхождения народов Поволжья и Приуралья¹, недавнюю констатацию сохранения в этой области «остродискуссионных вопросов»² следует признать правильной. К числу таких вопросов, по нашему мнению, следует отнести и определение времени завершения формирования тюркских и финно-угорских народностей в Волго-Уральском регионе.

Проблема эта не столь проста, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что при разграничении последней стадии этногенеза и собственно этнической истории как одного, так и особенно нескольких живущих по соседству народов наблюдаются значительные методические сложности. Они объясняются недостаточной разработанностью методик фиксации завершения этногенеза, скудостью письменных источников или избирательным анализом. Все это в полной мере относится и к народам Урало-Поволжья.

Думается, назрела настоятельная необходимость переоценки некоторых укоренившихся представлений о времени завершения формирования народностей Урало-Поволжского региона. В русле такого подхода предлагается анализ проблемы «ясачных чувашей» Казанского края по данным русскоязычных письменных источников XVI — первой половины XVII в.

Многочисленная группа населения под названием «ясачные чуваша» (чуваша) отмечается в писцовых и переписных книгах XVI — первой половины XVII в., а также в ряде актовых материалов того же периода в составе Казанского и Свияжского уездов. В этом факте, казалось бы, нет ничего особенного, если бы не одно немаловажное обстоятельство: со второй половины XVII в. «ясачные чуваша» Казанского уезда начинают именоваться в письменных источниках ясачными «татарами». Более того, эти «чуваша», превратившиеся в «татар», локализируются в районах формирования основного ядра этноса казанских татар.

Вопрос об этническом облике этих «чувашо-татар» в XVI — первой половине XVII в. остается остродискуссионным. На сегодняшний день сформулированы четыре основные точки зрения соответственно об их чувашской, татарской, болгарской и удмуртской принадлежности. Обилие гипотез явно свидетельствует не только об историко-лингвистических трудностях, но также об определенных методологических пробелах в нашей оценке этнической ситуации в Среднем Поволжье на рубеже XVI—XVII вв.

Источниковая база проблемы «ясачных чувашей» достаточно хорошо известна³; недавно был опубликован один из главных источников по этому вопросу⁴. Существенно расширить круг источников пока, к сожалению, не удалось⁵. При таком положении необходим тщательный критический анализ каждой из гипотез с тем, чтобы выявить степень их фактологической обоснованности.

¹ См. сводный том Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.

² Комплексная программа «Этническая история и современные национальные процессы»//Вопр. истории. 1987. № 9. С. 101.

³ См. об этом подробно Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 292.

⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. Казань, 1978.

⁵ Некоторые новые материалы см.: Летопись Троицкой церкви села Монастырского Урея Лаишевского уезда//Известия по Казанской епархии. № 11. 1869. С. 336—347; Пензенский областной архив. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1.

Прежде всего, однако, нам хотелось бы ограничить на данном этапе проблему «ясачных чувашей» XVI—XVII вв. пределами одного лишь Казанского уезда, т. е. левобережьем Волги. Такое ограничение вызвано тем, что в начале XVIII в. в правобережном Свияжском уезде жили как татары (18,4 тыс. человек), так и чувашы (28,8 тыс. человек)⁶. Несомненно, предки обеих групп населяли эту территорию и в XVI—XVII вв. Однако сосояние источников по Свияжскому уезду не позволяет для XVI—XVII вв. надежно отчленить собственно чувашей от тех групп, которые до середины XVII в. в источниках назывались «чувашами», а позже стали именоваться «татарами». Именно поэтому проблему «ясачных чувашей» мы решили рассмотреть применительно к тому ареалу, где этническая ситуация поддается более однозначной трактовке, т. е. для Казанского уезда.

Начнем с аргументации сторонников чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей» XVI — середины XVII в.⁷ Изучение публикаций показывает, что основным их доводом является сам факт употребления в письменных источниках наименования «чувашы» — несомненного этнонима. Как считает Р. Н. Степанов, фиксация в письменных источниках рассматриваемого населения под наименованием «чувашы» не может быть результатом каких-то ошибок писцов⁸. Об этом, по его мнению, свидетельствуют как распространенность данного термина в обширном корпусе документов XVI—XVII вв., так и наличие случаев, когда челобитники сами называли себя «чувашами»⁹.

Такие факты, несомненно, заслуживают внимания, хотя нет необходимости в их абсолютизации. Во-первых, у нас нет данных о том, что русская администрация (и в первую очередь составители писцовых и переписных книг) при определении этнической принадлежности местного населения Среднего Поволжья в XVI—XVII вв. учитывала его этническое самосознание. Во-вторых, вызывает сомнение правомерность прямого отождествления этнических реальностей, отражением которых могли быть этнонимы русских источников XVI — середины XVII в., и тех этносов, чьи границы фиксируются в Поволжье с XVIII в.

Последнее соображение базируется на весьма конкретных материалах. Как было установлено В. Д. Дмитриевым, в Среднем Поволжье в документах XVI—XVII вв. этноним «черемисы» широко употреблялся не только для обозначения марийцев, но и по отношению к определенной части чувашей¹⁰. Аналогичный факт был установлен нами для XVI — первой половины XVII в. применительно к населению Среднего Приуралья (Пермского края), где этноним «остяк» в русскоязычных документах употреблялся для обозначения предков татар и башкир¹¹. Поэтому определение этнической принадлежности лишь на основе русскоязычных письменных источников представляется по меньшей мере неосторожным. Кроме того, неясно, являлось ли наименование «ясачные чувашы» эндо- или же экзотонимом (т. е. присвоенным этому населению, например, русскими или соседними народами).

Рассмотрим теперь примеры проявления со стороны «ясачных чувашей» Казанского уезда своего этнического самосознания. Речь в данном случае идет о том, можно ли считать факты определения себя в документах «ясачными чувашами» отражением такого самосознания. Вопрос не простой. Прежде всего заметим, что в челобитных документах, а именно в них встречается этот этноним, он явно занимал зависимое от социально-экономического статуса положение. Дело в том, что все рассматриваемые челобитные были направлены на решение вопросов землевладения. Причем само право на землевладение обосновывалось ссылкой на документы определенного типа: у ясачного населения в нашем случае — ссылкой на писцовые и переписные книги. В таких условиях достаточно было одного случая неправильного определения этнической принадлежности крестьян, как в дальнейшем челобитчики уже не могли отказаться от своего зафиксированного в писцовых и переписных книгах наименования, иначе они теряли всякие права на земельные угодья.

Сторонники чувашской принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда высказывали и некоторые другие соображения. Так, выдвигалось предположение, что «...еще в первой половине XVII в. казанские татары были рассредоточены на гораздо меньшей территории, а к XVIII в. численность татар резко увеличивается, что, конечно, нельзя объяснить только простым приростом населения»¹². Этот тезис закономерен

⁶ Подсчеты автора статьи.

⁷ См.: *Комиссаров Г.* Чувашы Казанского Заволжья. Казань, 1911; *Дмитриев В. Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 96—118; *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959. С. 75, 82—83; *Степанов Р. Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сб. аспирантских работ (Сер. Право, история, филология). Казань, 1964. С. 52—70; История Чувашской АССР. Т. 1 Чебоксары, 1966. С. 65.

⁸ *Степанов Р. Н.* Указ. раб. С. 68.

⁹ Там же. С. 68—69.

¹⁰ *Дмитриев В. Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVII в. // Уч. зап. Чувашского НИИ. Вып. 27. Чебоксары, 1964. С. 118—132.

¹¹ *Исхаков Д. М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 52—53.

¹² *Степанов Р. Н.* Указ. раб. С. 54.

приводил к выводу о массовом «отатаривании» к концу XVII — началу XVIII в. «ясачных чувашей» Казанского уезда.

Рассмотрим детальнее его фактическую основу. Прежде всего нельзя говорить о «резком» увеличении численности казанских татар к XVIII в. по сравнению с более ранним периодом по той причине, что этностатистические источники для какой-либо реконструкции демографической ситуации в XVI—XVII вв. пока никак не проанализированы. Проведенный нами анализ косвенных источников по этому вопросу¹³ никаких заметных скачков в численности татар в период между XVI—XVII и XVIII вв. не обнаруживает. Кроме того, рост численности, даже если он имеет место, автоматически не приводит к расширению этнического ареала и, наоборот, простая фиксация увеличения территории расселения этноса не позволяет делать однозначный вывод о росте его численности. Наконец, пока нет прямых доказательств «массового отатаривания» в XVI—XVII вв. «ясачных чувашей» Казанского уезда, вряд ли правомерно говорить о связи между особенностями расселения и динамикой численности казанских татар, с одной стороны, и широкомасштабными этническими процессами — с другой.

Еще одна линия доказательств строится на отсутствии в русских источниках XVI — середины XVII в. упоминаний о «ясачных татарах». При этом цепь рассуждений развивается по следующей схеме: все татары в последний период существования Казанского ханства (XVI в.) были служилым населением; во второй половине XVII в. в источниках появляются «ясачные татары», следовательно, последние сформировались главным образом за счет нетатарского населения — в основном путем отатаривания «ясачных чувашей» Казанского уезда¹⁴. Весьма интересно рассмотреть логические последствия, которые могут вытекать из такой цепи рассуждений. Если исходить из утверждения о служилом статусе всех без исключения казанских татар в XVI в., татары оказываются этносом, полностью состоящим из класса феодалов разного ранга. В принципе такой вариант допустим: в истории известны общества, в которых господствующий класс являлся особой, отличной от «черни» этнической группой. Но подобный вариант вряд ли подходит для разбираемого нами случая.

Как известно, М. Н. Тихомиров на основе анализа русских летописей XIV—XV вв. пришел к заключению, что в них под именем «бесермяне» на территории бывшей Волжской Булгарии вплоть до второй половины XV в. упоминаются «булгары», отличавшиеся от другой группы населения — «татар», живших с ними бок о бок¹⁵. В связи с тем что Казанское ханство воспроизводило социальную структуру Золотой Орды, социальную верхушку его образовывали выходцы из кочевого мира¹⁶. Более раннее булгарское население должно было оказаться как в Золотой Орде, так и в Казанском ханстве в зависимом положении. Если учитывать, что булгары явились одним из субстратных элементов при формировании казанских татар (эта точка зрения в советской историографии не оспаривается), то вряд ли можно говорить об отсутствии в XV—XVI вв. среди казанских татар представителей феодально-зависимого класса. Кроме того, при отнесении к чувашам населения центральной части Казанского уезда, известное по письменным источникам XVI — первой половины XVII в. как «ясачные чуваша», завершение формирования этноса казанских татар придется отодвинуть чуть ли не на конец XVII в. Такой вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной стратификацией, представляется необоснованным.

Еще один способ аргументации тезиса об отатаривании чувашского населения Казанского уезда к середине XVII в. строится следующим образом. Для начала утверждается, что «фактов отатаривания чувашей никто не станет отрицать, они общеизвестны»¹⁷. Основой причиной этого явления называется принятие мусульманства, заканчивающееся «восприятием всего татарского»¹⁸. Но такой подход требует фактического обоснования. При этом привлекается этностатистическая информация, которая, как правило, дальше XVIII—XIX вв. не идет¹⁹.

Сама по себе правомерность переноса полученных для XVIII—XIX вв. подсчетов и показателей на более ранний период весьма сомнительна. Более того, центральное звено системы доказательств — статистические материалы и методы работы с ними — не выдерживает критики. Еще в начале XX в. Г. Комиссаров, опираясь на неполные сведения о численности татар в Казанской губернии в 1826 г. и сравнивая эти цифры

¹³ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII—XIX вв. (этностатистическое исследование): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1980.

¹⁴ См. Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 65; см. также комментарии к работе: Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 388.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках//Российское государство в XV—XVII вв. М., 1973. С. 89.

¹⁶ Например, явно золотоордынского происхождения были в Казанском ханстве четыре правящих «рода»: *барын, аргын, кыпчак, ширин*. О притоке в Казанское ханство золотоордынцев из южных районов после закрепления на троне Улу-Мухаммеда известно из разных источников. См., например: Казанская история. М.; Л., 1954. С. 53.

¹⁷ Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 68.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., например: Комиссаров Г. Указ. раб.; Димитриев В. Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX в.//Уч. зап. Чувашского НИИ. Вып. 47. Чебоксары, 1969. С. 242—246.

с данными переписи 1897 г., сделал вывод об ускоренном росте численности казанских татар за счет ассимиляции чувашей²⁰. К сожалению, этот вывод был некритически заимствован другими исследователями²¹. Лишь гораздо позже В. Д. Дмитриевым на основе более полных статистических данных была обнаружена ошибочность использованных Г. Комиссаровым цифр²². Однако и сам В. Д. Дмитриев ограничился только общим анализом динамики численности татар Казанской губернии, не был учтен и ряд архивных источников, характеризующих татаро-чувашские этнические связи в этот период. В итоге, критикуя своего предшественника, В. Д. Дмитриев пришел к тому же выводу — о существовании в XVIII — середине XIX в. в Казанской губернии крупномасштабных этнических процессов, связанных главным образом с ассимиляцией чувашей татарами²³. Однако проведенное нами в дальнейшем изучение этностатистических источников XVIII—XIX вв. показало, что в Поволжско-Приуральском регионе в этот период в результате этнических процессов в состав татар вошли не более 10 тыс. чувашей, причем в основном не в Казанской, а в других губерниях (Симбирской, Самарской, Уфимской)²⁴. Как видим, фактологическая база для утверждения об отатаривании чувашей остается весьма зыбкой.

Вторая — татарская гипотеза этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда была сформулирована Е. И. Чернышевым в начале 1960-х годов²⁵. Он полагал, что в лице «ясачных чувашей» Казанского уезда мы имеем на самом деле «ясачных татар». Для обоснования своего тезиса Е. И. Чернышев привел следующие соображения.

Во-первых, в самом центре этнической территории казанских татар — Казанском уезде чувашей никак не могло быть больше, чем татар. Этот тезис необходимо усилить: по данным на начало XVII в., «ясачных чувашей» в уезде было на самом деле намного больше, чем татар. Так, согласно писцовой книге 1602—1603 гг., здесь насчитывалось 228 дворов служилых татар (включая «новокрещенных») и 802 двора «ясачных чувашей» (с новокрещенными)²⁶. Сведения эти неполные — в писцовую книгу попали только то ясачное население, которое имело землевладения по соседству со служилыми татарами. Тем не менее приведенные цифры отражают, видимо, примерное соотношение в уезде «татар» и «чувашей».

Во-вторых, в ближайшем соседстве с татарами на территории Казанского уезда логичнее было бы искать не чувашей, а марийцев, волости которых в XVII в. вплотную примыкали к этнической территории татар.

В-третьих, термин «ясачные чувашаи» в русских источниках XVI—XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, синонимичным категории ясачного населения вообще.

Два первых аргумента Е. И. Чернышева выглядят достаточно убедительно²⁷. Сложнее с третьим. Правда, Е. И. Чернышев привел ряд фактов, которые, с его точки зрения, доказывали, что под «чувашами» в документах имелось в виду в целом ясачное население²⁸. Но эти факты можно трактовать и иначе. Кроме того, в источниках помимо «ясачных чувашей» фигурируют еще «ясачные черемисы» и «ясачные вотяки». Возникает вопрос: почему ясачные татары названы в документах «чувашами», а не «черемисами» или «вотяками». Свою позицию Е. И. Чернышев попытался подкрепить ссылкой на то, что наименование «чувашаи» было присвоено ясачным татарам служило-татарской группой. Однако привлечь какие-либо факты ему не удалось²⁹. По-видимому, вопрос о причинах бытования в XVI — первой половине XVII в. термина «ясачные чувашаи» в официальной русскоязычной документации для совершенно определенного ареала Среднего Поволжья является сейчас одним из узловых.

Несколько позже появилась третья гипотеза об этнической принадлежности «ясачных чувашей»³⁰. По мнению ее автора Г. Ф. Саттарова, «ясачными чувашами» в Казанском уезде в XVI — середине XVII в. назывались те группы болгарского населения, в языке которых кыпчакские элементы «еще одержали окончательной победы»³¹. При этом Г. Ф. Саттаров исходил из того, что болгары с родным болгарским языком (чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период между XIII и XVI вв. Об этом, по его мнению, может свидетельствовать расшифровка

²⁰ Комиссаров Г. Указ. раб. С. 10.

²¹ О них см. Дмитриев В. Д. Указ. раб. С. 242—243.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Сов. этнография. 1980. № 4. С. 30—31.

²⁵ Чернышев Е. И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 170—183. Свой вывод автор распространил и на территорию Свяяжского уезда. Считаю нужным отметить, что с подходом Е. И. Чернышева относительно населения Свяяжского уезда мы не можем согласиться.

²⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 203.

²⁷ Чернышев Е. И. Татарская деревня... С. 175—176.

²⁸ Там же. С. 134—139, 176—177.

²⁹ Там же.

³⁰ См. Саттаров Г. Ф. Антропонимы Татарской АССР (названия населенных пунктов Татарской АССР). Казань, 1973 (на тат. яз.). С. 237—238, 246, 258, 266.

³¹ Там же. С. 237.

названий многих деревень центральной части Казанского уезда — Заказанья, которые этимологизируются на основе чувашского языка.

Предложенная Г. Ф. Саттаровым гипотеза весьма заманчива, но обоснована она явно недостаточно. Так, возможность сохранения булгарских групп с некыпчакским языком в XVI—XVII вв. фактически никак не аргументирована. Более того, она находится в противоречии с другими выводами автора и мнением остальных исследователей. К примеру, Г. Ф. Саттаров отмечает, что в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства булгары и кыпчаки тесно взаимодействовали друг с другом и кыпчакский язык в итоге одержал победу³². Спрашивается: произошла эта победа до XVI в. или после? Если ее надо относить лишь к XVII в., чем тогда объяснить усиление влияния кыпчакского языка во второй половине XVI—XVII вв.? Ответов на эти вопросы мы не найдем. Кроме того, как быть с хорошо известным фактом, что язык эпитафий на могилах XV—XVII вв. относится к кыпчакскому типу?³³

Вывод же о языковых особенностях названий татарских селений Заказанья представляется достаточно обоснованным³⁴. Однако тут обнаруживаются новые проблемы. Во-первых, названия селений могли сохраниться и после частичной или даже полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия. Во-вторых, не ясны хронологические рамки появления топонимов. С уверенностью доводить время существования этнического массива, создавшего топонимы, до даты, когда эти названия были впервые зафиксированы в письменных источниках (т. е. до XVI—XVII вв.), вряд ли правомерно. Отсюда ясно, что попытка прямо связывать создателей топонимов булгарского (чувашского) типа с «ясачными чувашами» требует столь значительных оговорок, что не выходит за рамки предположения.

Совсем недавно была сформулирована четвертая гипотеза о происхождении «ясачных чувашей»³⁵. Суть ее сводится к тому, что часть населения, расселенная на территории северо-восточной части Казанского уезда, в пределах так называемой Арской «дороги», представляла собой южных удмуртов, «в определенной степени тюркизированных уже в составе Волжской Булгарии»³⁶. Об этом, по мнению авторов гипотезы, могут свидетельствовать следующие данные.

Во-первых, южные удмурты не упоминаются в писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв., хотя другие этнические группы в уезде отмечаются часто (татары, марийцы, «чувашки» и др.). Во-вторых, названия некоторых деревень (Люга, Вошторма), в которых в конце XVI — начале XVII в. жили «ясачные чувашки», имели явно удмуртский облик. В-третьих, видеть в «чувашках» Казанского уезда тюркизированных южных удмуртов позволяют аналогии с этнической историей бесермян.

Рассмотрим предложенные аргументы по порядку. Тезис об отсутствии упоминаемых южных удмуртов в писцовых и переписных книгах XVI—XVII вв. справедлив лишь отчасти. Действительно, в сохранившихся писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв. удмурты упоминаются редко. Но дело тут скорее не в том, что удмурты в этих документах фигурируют под другим этнонимом. Важнее для нас, что сохранившиеся писцовые и переписные книги Казанского уезда XVI—XVII вв. посвящены в основном описанию землевладений служилого населения, сосредоточенного в центральной зоне уезда. А вот именно здесь к XVI в. удмурты уже вряд ли проживали (что, однако, не исключает их обитания в этом ареале в более ранний период).

Кроме того, в сохранившихся документах XVI — середины XVII в. все же имеется целый ряд упоминаний о южных удмуртах. Так, в царской грамоте в Казань от 1593 г. среди жителей уезда отмечаются «вотяки»³⁷. В книге сбора оброчных денег Казанского уезда за 1617—1618 гг. по Арской «дороге» отмечается д. Едигер, населенная «вотяками»³⁸. В выписке из отдельной книги И. Садилова (1640 г.) по Зюрейской «дороге» Казанского уезда перечисляются «вотяцкие» деревни Согрез, Порча, Пелга, Кохча, Большая Кохча, Бигра и др.³⁹ Во всех названных документах удмурты с прочими этническими группами Казанского уезда не смешиваются и фиксируются как вполне самостоятельная этническая единица.

Что же касается аргумента М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина об удмуртских названиях деревень, населенных «чувашами», то он также неубедителен. Стоит еще раз обратить внимание на то, что топонимы могут сохраняться и после изменения этнического облика населения. Кроме того, речь идет о названиях всего нескольких деревень, расположенных в районе смешанного расселения татар и удмуртов. Ясно, что именно здесь вероятность сохранения старых топонимов после смены населения резко возрастает.

³² Саттаров Г. Ф. Указ. раб. С. 237.

³³ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эниграфику. М.; Л., 1960. С. 145, 154—157.

³⁴ Последнюю публикацию, посвященную анализу топонимов Заказанья на основе чувашского языка см. Скворцов М. И. Об использовании ономастического материала старорусских документов в ИЭСЧЯ//Проблемы составления этимологического словаря определенного языка. Чебоксары, 1986. С. 87—100.

³⁵ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв.//Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3—42.

³⁶ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 27.

³⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической комиссией. 1294—1598 гг. Т. 1. СПб., 1836. С. 436—437.

³⁸ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1204. Д. 153. Л. 318.

³⁹ Кировский областной архив. Ф. 170. Оп. 1. Д. 32. Л. 2—12.

Основной пункт доказательств М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина связан с бесермянами. Авторы пишут: «По всей вероятности, „чуваша арская“ и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI — начале XVII в. мы застаем уже в бассейне р. Чепцы и объединяем под этнонимом „бесермяне“»⁴⁰. При этом они ссылаются на то, что в районе проживания бесермян (т. е. в бассейне р. Чепцы) источники XVI — начала XVII в. отмечают «чувашей». Далее предпринимается поиск бесермян в более южных районах — на территории Казанского уезда. Этот поиск приводит к следующим результатам: 1) обнаружено упоминание в начале XVII в. «Арского грода босурмана Митюшки Кривого»; 2) в Заказанье, согласно Т. И. Тепляшиной, имеется значительный пласт «бесермянской» топонимики, свидетельствующий — уже по мнению М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина — о проживании здесь предков бесермян; 3) имеется материал о том, что татары называли некоторых удмуртов «д’уаш ар», что позволяет связать в единое звено бесермян Заказанья, «ясачных чувашей» Казанского уезда и удмуртов⁴¹. Эти факты подкрепляются общим положением о том, что бесермяне в период самостоятельности Волжской Булгарии представляли собой в основном южноудмуртское население, «испытывшее... сильное тюркское влияние, воспринявшее ислам и смешавшееся с какой-то тюркской группой, родственной позднейшим чувашам»⁴².

Проанализируем приведенные выше соображения. Связь упомянутого Митюшки Кривого с этническими бесермянами весьма сомнительна. Как известно, в XVI—XVII вв. термин «бесермен», нередко в форме «басурман», употреблялся и в широком значении — «мусульманин» или «иноверец»⁴³. Поэтому Митюшка Кривой мог быть просто крещеным татаринном, не полностью порвавшим с мусульманством⁴⁴, или же бывшим русским пленником, вынужденным в период Казанского ханства принять мусульманство и оставшимся «басурманом» и после возвращения в лоно православной церкви. К тому же единичность подобного примера лишает его доказательности.

Теперь о топонимах. Не вызывает сомнения определенное единство топонимии бассейна р. Чепцы и района Заказанья. Но трактовка этого единства, предложенная Т. И. Тепляшиной, принципиально отличается от подхода М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина. Т. И. Тепляшина исходила из того, что предки бесермян были тюркоязычными⁴⁵. Сохранились жалованные грамоты «арских» (кариных) князей XVI в., в которых отмечается приход в бассейн р. Чепцы «чувашей из казанских мест» в первой половине XVI в.⁴⁶ Если принять к сведению и некоторые другие факты⁴⁷, становится вполне понятной близость топонимов двух удаленных друг от друга ареалов.

Следует внести ясность и в этноним «д’уаш ар». Прежде всего этим термином обозначались те удмурты, которые переселились с территории Арской земли за р. Вятку, на ее левый берег⁴⁸. Речь идет, таким образом, об удмуртах «зареченских». В связи с тем что выражение «д’уаш ар» образовалось по законам татарского языка, мы предлагаем толковать его в отличие от М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина не как «чувашских удмуртов», а как «зареченских» удмуртов. В некоторых татарских говорах слово «юач» ~ «жуас» употребляется в значении «зареченские». Если к этому слову добавить обозначение удмуртов в татарском языке — «ар», получим искомое сочетание «жуас ~ д’уаш ар».

Попытка М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина «увязывать» бесермян с весьма рано тюркизированными южными удмуртами не согласуется и с историческими источниками. В состав бесермян действительно вошли удмурты (возможно, южноудмуртского происхождения), однако слияние удмуртского и собственно тюрко-бесермянского компонентов позднейших бесермян завершилось не ранее второй половины XVII в. и четко сохранилось в их исторической памяти⁴⁹. Поэтому позднейшая группа бесермян бассейна р. Чепцы не может служить моделью при определении этнического облика «бесермян» Казанского края XIV—XV вв., как и «чувашей» XVI — середины XVII в., без предварительного учета разнокомпонентности этой группы и времени ее формирования.

Итак, тезис о южноудмуртской принадлежности части «чувашей» Казанского уезда (а именно «арских чувашей») нельзя считать доказанным. В пользу мнения об их какой-то иной этнической принадлежности можно привести еще одно соображение чисто логического порядка. Если «чувашей» Арской «дороги» Казанского уезда были уд-

⁴⁰ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 25.

⁴¹ Там же. С. 24—25.

⁴² Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 27.

⁴³ Тихомиров М. Н. Указ. раб. С. 87.

⁴⁴ Он упоминается в источнике в связи со служилыми татарами — см. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 141.

⁴⁵ Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970. С. 21.

⁴⁶ Исхаков Д. М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов//Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 26.

⁴⁷ Известно, например, что население из татаро-бесермянского с. Карино (Нократ) ходило поклоняться праху своих предков в северные районы Заказанья.

⁴⁸ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 25.

⁴⁹ Отатарившиеся бесермяне из с. Карино до сих пор указывают те «роды», которые произошли от удмуртов. Остальные бесермяне возводятся непосредственно к предкам из бесермян. См. Исхаков Д. М. Патронимия у чепецких татар//Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 63.

муртского происхождения, то как объяснить проживание «чувашей» в тех частях уезда, которые входили в состав этнической территории марийцев (зона Галицкой и Алатской «дорог» Казанского уезда)?

Какие же основные выводы можно извлечь из проведенного анализа? Они сводятся к следующему.

1. Высказанные до сих пор гипотезы об этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда XVI — середины XVII в. аргументированы явно неудовлетворительно.

2. Создается впечатление, что этот вопрос вообще не может быть решен лишь на основе русских письменных источников. К нему следует подойти комплексно, привлекая археологические материалы периода Казанского ханства, данные диалектологии, эпиграфики, топонимики, этнографии, генеалогии и др. Нельзя в то же время считать исчерпанными и возможности использования письменных источников.

3. В качестве ближайших можно выдвинуть две задачи: проведение картографирования исторического расселения «ясачных чувашей» с целью уточнения их локализации в Среднем Поволжье (особое внимание при этом должно быть обращено на определение границ между «чувашами» и «черемисами» на правобережье Волги) и дальнейшее изучение истории появления этнонима «чуваш». При этом необходимо иметь в виду, что в русских документах XVI — первой половины XVII в. этим наименованием обозначалась большая группа явно тюркоязычного, а на территории Казанского уезда — и мусульманского населения.

4. Необходимо уделить внимание общетеоретическим вопросам, связанным с определением грани между завершением этапа этногенеза современных народов Среднего Поволжья и началом их этнической истории. Некоторые сложившиеся на этот счет представления явно не выдерживают критики. Так, более чем двухвековой спор сторонников болгарского и золотоордынского («татарского») происхождения татарского народа остается во многом бесплодным, поскольку не изучен важнейший вопрос об этническом самосознании татар Волго-Уральского региона в XVI — начале XVII в. и его последующей эволюции в XVII — середине XIX в. Некоторые исследователи при этом находят под гипнозом сформировавшегося у татар на стадии их сложения в нацию самосознания и соответствующего «татарского» самоназвания. Между тем ясно, что если представители нации получили по ряду причин (кстати, тоже требующих своего изучения)⁵⁰ наименование «татары», это еще не основание начинать этническую историю татар с XV—XVI вв. Короче говоря, еще никем не доказано, что именно XV—XVI вв. были той «критической точкой», после которой в результате завершения этногенеза татарского народа началась его этническая история.

⁵⁰ См. одну из последних публикаций на эту тему: Халиков А. Х. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приуралье//К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 28—31.

Е. А. Оборотова

НАРОДЫ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЗГЛЯДЫ И ПОЗИЦИИ

В 1987 г. в нашей стране вышел в свет ряд крупных работ, посвященных проблемам Севера в эпоху интенсивного промышленного освоения. Они отражают возросший интерес представителей различных научных дисциплин к этой тематике, а также наметившуюся в советском североведении тенденцию комплексного подхода к исследованию образа жизни народов Севера.

К их числу следует отнести сборник «Проблемы современного социального развития народностей Севера» (Новосибирск, 1987) и монографию В. И. Бойко и Ю. В. Попкова «Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме» (Новосибирск, 1987). Обе книги подготовлены в рамках целевой комплексной программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера», реализуемой региональной межведомственной комиссией СО АН СССР, СО АМН СССР и СО ВАСХНИЛ по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера. Институтом этнографии АН СССР выпущена монография «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (Москва, 1987); Московским государственным университетом — сборник «Рациональное природопользование на Командорских островах» (Москва, 1987); Институтом социологических исследований АН СССР — сборник «Региональные проблемы социально-демографического развития» (Москва, 1987). Список этот можно было бы продолжить.

Интерес к будущему северных народов объясняется, с одной стороны, быстро растущими темпами промышленного освоения региона, с другой — рядом острых противоречий, сложившихся в ходе социально-экономического и этнокультурного развития его коренного населения.

Промышленное освоение Севера неизбежно ведет к отчуждению у коренного населения традиционных пастбищных и промысловых территорий и акваторий, приводит